

Обратно

Повесть

(Продолжение. Начало в № 38)

Случайного ничего нет. Понимая это теперь, предполагаю, что с теми безотчетными приливами страха остаться в камере навсегда каким-то образом был связан и вот этот, на первый взгляд отстоящий от темы, эпизод.

Выдавленный как-то в очередной раз из камеры страхом, я зашел в гостиницу, бросил машинку и вышел в город. Брел без цели, но в результате оказался возле Успенского собора. Ничего не желал, ничего не запрещал, и ноги провели по ступеням вверх, под арками, в храм. Впервые в жизни.

Никто не прогнал. Шла служба. Людей было немного. Сухо. Тепло. Мирно. Потрескивание мерцающих свечей. После удущья и обреченности камеры смертника, где, хотя и очень виноватые и совершенно чужие, но все равно люди ждали часа своего умерщвления, контраст был разительный. Неделями собранное в пружину сознание вдруг разжалось.

На следующий день я пришел в храм уже намеренно. Поздно вечером. Хотелось. Попал на службу, посвященную какому-то большому празднику. В этот раз было илюдно и торжественно, но тоже хорошо. Все сияло и пело. Пело с клиросов, пело с балкона напротив соли — притираясь к чужому празднику, загнуса-вило что-то и во мне.

В этот момент распахнулись Царские врата и из них, неся образа и хоругви, стал выходить клир. Хора запели еще величественней — увлекаемое всеобщей радостью «мое» тоже бестолково заелозило во мне, тоже собралось было «в горяня», вдогон за всеми, — затрепыхалось, растопырилось, — и вдруг пресекалось.

Это был какой-то молоденький чтец ли, дякон ли. С хоругвью в руках, в стихаре и в мелькающих изпод него на каждый шаг кроссовках фирмы «Адидас».

«Адидасы» в те годы можно было увидеть в основном на тех, кто торговал на рынках мандаринами, занимался «фарцовкой». Моими же убеждениями в те дни был клич «Наши люди на такси в булочную не ездят!».

Я протолкался к выходу и ушел. Шел по улице и ерничал над собой за то, что снова, словно ребенок, чуть было не попался на игру «очередных ряженных». «Очередной балаган» чуть было не принял за что-то подлинное...

Размеры истинной своей наивности, истинной глупости тогдашней своей реакции на эти кроссовки причетника я понял годы спустя. А тогда, зашоренный своим максимализмом и невежеством, я перепутал Бога с «боговым», Христа — с «христовым», внутреннее и главное — со второстепенным и внешним...

Почему и для чего я был допущен тогда к работе с приговоренными к смерти, и даже более того — имел доступ и в сами камеры, где они содержались (в нарушение всех норм), сегодня тоже понятно и очевидно. Это было одним из последних предупреждений: остановиться, оглянуться, отказаться от ложных ориентиров, и

чем-то вроде приготовления меня к предстоящему испытанию, — проявлением неизреченного Его милосердия: попади я в камеру смертника без этой предварительной подготовки, «с улицы», — я бы не выжил. Мои «бриллианщики»-смертники, кричавшие мне во все мои глаза и уши, и своим затравленным видом, и предупредительными советами, и страхом несвободы, — это были не воспринятые мною Лазари (см.: Лк 16, 19-31).

Таким образом, что такое камера смертника, в отличие от других приговариваемых к высшей мере, я знал. Потому и в этом отношении по сравнению с другими мне было легче.

И тем не менее, когда переступил порог камеры, теперь уже в качестве смертника, ощущение легкого одеревенения все равно возникло. Воспринималось оно как дискомфорт, но как состояние ожидаемое и вполне объяснимое. Неестественным же показалось возникшее одновременно с общим притуплением чувствительности ощущение необычной и как будто совсем неуместной легкости, размагничности и невесомости. Какого-то физического высвобождения. Отстранение какой-то тяжести, всю жизнь ограничивавшей свободу дыхания, движения, мышления.

Кто-то, возможно, усмотрит в этом нечто связанное с перегрузкой нервной системы. Длительное, в период следственно-судебного разбирательства, напряжение, затем развязка, резкое расслабление и как результат — легкая нервно-мышечная эйфория. Самому же мне видится в этом нечто иное.

Во-первых, никакого «резкого» расслабления в моем случае не было. Внутренне зажатие держалось во мне еще больше недели: я совершенно сознательно не позволял себе об-

мякнуть, опасаясь этого, в то время как четкое ощущение расширения внешнего (вокруг меня) пространства возникло во мне сразу же, едва я вошел в камеру.

Во-вторых, независимо от того, желаем ли мы признавать это или нет, помимо нашей «нервной системы», существуют и Бог, и сатана. И он, последний, сопровождающий убийцу до самого порога камеры, порога этого не переступает. Привалив камень, он уходит на поиски следующей овцы, и вся эта так ощущаемая легкость есть лишь свидетельство резкого исчезновения годами довлывшей над человеком сатанинской воли...

Брошенная в кипятке лягушка гибнет. Если же ее посадить в холодную воду, которую потом нагревать постепенно, лягушка адаптируется и будет жить при очень высокой температуре.

В ситуации с приговоренным к смерти прослеживается та же аналогия.

Происходит нечто следующее. Перед тем как захлопнуть ловушку, дверь камеры, сатана, всю жизнь старательно завешивавший глаза человека искажающими действительность шорами, вдруг срывает их.

Один неверный шаг может увлечь человека в вязкое болото греха

Расчет прост. Внезапно прозрев и увидев и себя самого, и всю свою ситуацию во всей ее чудовищной подлинности, приговоренный должен прийти в ужас и тут же наложить на себя руки — перейти и последнюю черту.

И известно, что в каких-то отдельных случаях, по одному лишь Богу ведомым причинам, Он попускает сатане довести его (сатанинский) умысел до конца — и тогда приговоренного находят в петле.

В большинстве же случаев Господь не позволяет произойти подобной

развязке. Он вмешивается. В момент, когда сатана свои шоры с приговоренного срывает, Господь как будто тут же накладывает на его глаза другие, уже Свои, повязки, смысл которых — рассрочить прозрение приговоренного, исключить момент внезапности, который может ввести в состояние шока и загнать в петлю.

Сам же Господь Свои бинты потом снимает слой за слоем, подлинные размеры катастрофы открываются смертнику небольшими фрагментами — ровно на столько, сколько способен выдержать его психика без впадения в бесповоротное отчаяние.

Не пытаюсь ничего утверждать, я все же предположил бы, что именно этим обстоятельством — наложением на смертника именно вот этих Божьих повязок — во многом объясняется та закономерность, что в подавляющем большинстве случаев после вынесения убитые приговора проходят и неделя, и две, и пять, а мы видим, что он по-прежнему продолжает оставаться в состоянии полного неосознания того, что он натворил и какова подлинная степень опасности его положения.

Большинство смертников, с которыми мне потом приходилось обсуждать эту тему, также отмечали в первые послеприговорные часы и дни вышеупомянутые мною одно-

тонный пол металлический короб. В остальном все по-старому: сводчатый потолок, решетки на окне и на нише над входом, в которой глупо боко запрятана лампочка.

Возможно, стоит отметить и то, что движение времени, шестст секунды в камере смертника начинаешь слышать осязательно, физически — и ухом, и кожей.

Что смертников семь — я восьмой, узнал от заступившего в ночную корпусную, хорошо знакомого мне еще по дням работы с «бриллианщиками». Он пытался обнадеежить, но мы оба прекрасно знали, что из 58 приговоренных в нашей области за последние десять лет к высшей мере не был помилован ни один — даже ни один из моих «бриллианщиков». И тем не менее какое-то действие на меня его слова производили: его имя, Виктор, я произношу в своем утреннем правиле и спустя 13 лет...

Весь процесс, от момента вынесения приговора до приведения его в исполнение, мне был известен. Времени у меня оставалось в пределах от четырех до шести месяцев. Чтобы их чем-то занять, я попросил протокол судебного заседания, — но больше чем на два дня его не хватило.

Затем написал, прекрасно понимая, что это всего лишь чистая формальность, — по чиновничьей привычке к соблюдению ритуала, — ходатайство о помиловании.

Следующее, что казалось в тот момент важным, — это подготовиться психологически к той минуте, когда поведут: все еще очень заботило «не криво ли на мне шапка», выдержать до конца позу — «не засучить у стенки коленками».

С самой процедурой расстрела теоретически (проходили в институте) я тоже был знаком. Настоящего страха смерти не было. И речь не о храбрости, а об элементарной эмоциональной и духовной тупости, об отсутствии способности испытать какое-то чувство, даже такое примитивное, как страх, по-настоящему, глубоко и остро.

Обычный, в форме мелкой трусости, был, но и он в значительной степени подавлялся. Отчасти — пониманием абсолютной справедливости возмездия. Я убил, за это убью меня: где постелил, там и спи, — все честно. Отчасти мыслью, что сам момент расстреливания — дело минутное: перетерпеть минуту. Какой бы мучительной она ни была, можно. «Не я первый, смогли же пройти через это другие...» и т.д.

Звучащее же во мне знание собственного бессмертия я, совершенно разориентированный, воспринимал как голос собственного рассудка, пытающегося выдать мне желаемое за действительное.

(Продолжение следует)

ТЮРЕМНАЯ ХРОНИКА

не принимает актов насилия (48%), больше, чем тех, кто их оправдывает (37%). По мнению 44% респондентов, нашей стране следует занять в начавшейся «войне цивилизаций» позицию «миротворца». Еще 30% полагают, что Россия вообще в возникшем противостоянии должна хранить полный нейтралитет, дистанцируясь от происходящего. Гораздо меньше тех, кто считает целесообразным для России однозначно поддержать ту или иную конфликтующую сторону. При этом 4% хотели бы поддержать европейских журналистов, а 9% — их оппонентов из мусульманского мира. Российским мусульманам в целом позиция компромисса между конфликтующими сторонами (43%) кажется более предпочтительной, чем однозначная поддержка мусульманского мира (31%).

Всероссийский опрос ВЦИОМ проведен 19–20 февраля 2006 г.

Опрошено 1600 человек в 153 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%.

Православие.ru

Венчание в СИЗО

В канун праздника Сретения Господня в храме во имя Святой Аннстасии Узорешительницы екатеринбургского СИЗО № 5 состоялась венчание молодой пары. Максим и Любовь, ныне вступившие в брак, знакомы уже давно. Так случилось, что Максим сейчас отбывает наказание, трудясь в составе хозяйственного отряда СИЗО. Любовь — жительница Перми. На свадьбу приехали мать и другие родственники Максима, живущие в одном из городов Юга России. Венчал молодых старший священник Ново-Тихвинского женского монастыря отец Николай Бердюгин. После оконча-

ния торжественной церемонии супругов поздравили родственники, сотрудники воспитательного отдела СИЗО, члены тюремной общины.

ИА Екатеринбургской епархии

Старушка с игрушечным ружьем получила три года тюрьмы

В Берлине был оглашен приговор старшей грабительнице банков, сообщает газета Times. За две попытки ограбления, одна из которых принесла ей 8 тыс. евро, а другая окончилась неудачей, семидесятилетняя старушка получила три года тюрьмы.

Старушка орудовала в парике, вооружившись игрушечным пистолетом. В первый раз, в марте 2003 года, она подъехала к одному из банков на востоке Берлина на такси, зашла внутрь и просунула кассиру записку, в которой требовала

временно и легкость, и одеревенелость, и абсолютную неспособность видеть и понимать подлинные масштабы произведенных им разрушений...

Спустя почти десять лет, прошедших со дня моего последнего визита в камеру № 37, она выглядела теперь чуть-чуть иначе. Вместо серой «шубы» на стенах — гладкая синяя краска. Вместо деревянной тумбочки — наглухо вмонтированный в бе-

немедленно передать ей деньги, так как она вооружена пистолетом и нервно-паралитическим газом. После того как кассир отдал ей наличные, старушка уехала из банка на такси, которое ожидало ее снаружи.

Спустя шесть месяцев она попыталась повторить ограбление, действуя по той же схеме, однако на этот раз кассир отказался давать ей деньги, и грабительница покинула банк ни с чем.

Старушку арестовали в ноябре 2005 года в баре, когда бармен узнал ее по фотографии, много раз показанной по телевидению. В суде она заявила, что совершила ограбление, так как задолжала 50 тыс. евро и боялась, что ее выселят из квартиры. В ее жилище обнаружили несколько заранее заготовленных записок для кассиров банков, в которых она требовала денег.

Lenta.ru

Калужская детская колония получила в дар более тысячи книг

Большая партия литературы — мировая классика, произведения современников — передана в дар библиотеке детской воспитательной колонии Калужской области.

С обзором художественных и научно-популярных книжных новинок воспитанников колонии познакомил ведущий библиограф Марина Ларионова, а главный краевед областной научной библиотеки Людмила Калашникова рассказала ребятам о предстоящем праздновании 200-летия со дня рождения Ивана Киреевского.

Узнали воспитанники колонии, что в апреле-мае по этому поводу планируется большой всероссийский литературный праздник.

«Тюремное служение»